

Глава XIII. Раскол в НКТ

За те семь месяцев, что Дуррути и его товарищи находились в изоляции от общества, социально-политическая обстановка в Испании постепенно менялась. Под давлением обстоятельств путча генерала Санхурхо и его друзей парламент наконец проголосовал за принятие Закона об аграрной реформе и Закона автономии Каталонии. Что касается последнего, то он вступил в силу с середины сентября 1932 года. В Каталонии с того момента должно было установиться автономное правительство — Женералитат Каталонии. Оно могло принимать свои собственные законы, проводить социальные реформы и изменить закон об образовании. Кроме этих прерогатив, контроль общественного порядка также входил в его обязанности и права. Центральное правительство сохраняло военную власть, но это не препятствовало тому, что для назначения главных военачальников оба правительства (каталонское и мадридское) действовали сообща. Передав правительству Каталонии ответственность за поддержание общественного порядка, Мадрид выдал ему знаменитую тысячу винтовок, приобретённую в 1923 году «Солидарными» в Эйбаре.

Относительно внутренних дел НКТ атмосфера разногласий со времен ареста Дуррути всё ещё оставалась невыясненной. В апреле того года под давлением ряда профсоюзных организаций и требований узников, особенно барселонских, был созван Региональный пленум профсоюзов, который состоялся в Сабаделе; на нём присутствовали 188 организаций, представлявших 224 822 членов. Обе тенденции столкнулись в яростных дискуссиях; Региональный комитет Каталонии подвергся жёсткой критике за факт бойкота всеобщей забастовки в феврале, которая могла бы воспрепятствовать депортациям. Кроме того, делегаты осудили сотрудничество Комитета с политическими группировками, в частности с «Левыми Каталонии», и участие в митингах, наряду с членами парламента.

Такая резкая критика в адрес Регионального комитета вышла за его границы и дошла также до Национального комитета, в частности Пестаньи и Франсиско Арина; их обвиняли в злоупотреблении полномочиями с умышленным намерением избежать столкновений с правительством страны. Ввиду такой суровой критики Эмилиано Мира, секретарь Регионального комитета, подал в отставку. Его пост занял Алехандро Хилаберт, выдающийся активист ФАИ. В знак протеста такому назначению профсоюз Сабаделя покинул пленум, ясно показывая этим своё желание отделиться от НКТ.

В мае состоялась Национальная пленарная встреча, на которой было принято решение: 29 числа того месяца провести активную агитаторскую кампанию. Ранее Пестанья был наказан за факт злоупотребления полномочиями; он прекрасно знал, что означала санкция такого рода в конфедеративной среде, и подал в отставку. Франсиско Арин поддержал его, и оба вышли из состава Национального комитета. На пленарном собрании генеральным секретарём НКТ временно избрали Мануэля Риваса, так как он являлся делегатом Национального комитета от региональной организации Андалузии. Такое решение, а также доклад о кадрах Конфедерации, или группах действия, должны были быть представлены на

рассмотрение профсоюзных организаций для принятия, изменения или отвода.

Соглашения этого пленарного собрания повлияли на НКТ с отрицательной и положительной стороны. Рассмотрим последнее. Отставка Пестаньи и Арина послужила укреплению последовательности действий самой организации; а доклад о «конфедеральных кадрах» создал защитный механизм для НКТ. Идея «конфедеральных групп» не являлась новой, потому что они так или иначе всегда существовали в составе НКТ, параллельно с анархистскими группировками. В печально известные годы терроризма их называли синдикалистскими группами революционного действия; они отвечали за вооружённую защиту НКТ. После провозглашения Республики на одном из национальных пленумов также была представлена рекомендация создать в среде профсоюзов «кадры конфедеральной защиты»; однако в силу неясностей в рядах НКТ из-за столкновений «фаистов» и «умеренных», идея не осуществилась. В мае на пленарном заседании удалось продвинуться вперёд в отношении не только создания такого механизма, но и его расширения в размерах страны, с перспективой полного взаимодействия для революционной борьбы.

Отрицательным результатом пленума, как ни трудно было с этим согласиться, стал очевидный раскол НКТ. Отставка Пестаньи ускорила этот факт. Тотчас же печатный орган фракции умеренных под названием *Cultura Libertaria* усилил нападки на активистов ФАИ, которые, по их словам, намеревались «навязать свою диктатуру в НКТ».

В сентябре, когда Дуррути и Аскасо прибыли в Барселону, полемика в печатных средствах информации уже выходила за пределы дискуссий и превращалась в кампанию лжи и клеветы, чем «умеренные» лишь поощряли кампанию против ФАИ, развязанную буржуазной прессой; в Барселоне в этом смысле отличилась газета *L'Opinió*.

После семимесячной разлуки с семьёй и маленькой дочкой, которую Дуррути видел в лишь самом нежном возрасте, казалось, самым подходящим для него будет отдых в кругу семьи, забота о жене и ребёнке. Здесь речь шла не только о дружеском совете — сам он и Мими нуждались в такой передышке. После депортации Дуррути его подруга осталась одна, без гроша и с двухмесячной малышкой на руках. Кассы рабочей солидарности профсоюзов были пусты. Поголовно все рабочие могли рассказать о своих родственниках — преследуемых, брошенных в тюрьмы или вынужденных скрываться. Нищета была всеобщей, и становилось невозможным поддержать всех членов НКТ в трудных жизненных ситуациях. Профсоюз Публичных спектаклей вынес решение помощи ряду женщинактивисток, и среди них — жене Дуррути; они смогли устроиться в билетные кассы кинотеатров. Однако для Мими такая работа не подходила — ведь она жила одна с маленьким ребёнком. Кто будет заботиться о Колетт с 14:00 до двенадцати ночи? Тереза Маргалевф, активистка Профсоюза текстильной промышленности, предложила свою помощь, но она жила в местности Орта, и это означало, что девочка должна была ночевать у неё. Не оставалось иного выхода — и Мими приняла решение: работать всю неделю. Только в один выходной она могла побыть с малышкой.

Наверняка Дуррути и Мими не раз беседовали на тему семейных сложностей, однако не пришли к решениям, которые бы обеспечили постоянное присутствие Дуррути в семейной жизни...

15 сентября, в девять часов вечера, был созван митинг во Дворце декоративных искусств Барселоны. Его здание находилось в периметре комплекса Ла Экспосисьон- La Exposición.

Были также объявлены ораторы: Викториано Грасия (Региональный профсоюз Арагона, Рьохи и Наварры); Феликс Валеро (Региональный профсоюз Леванте); Бенито Пабон (Андалузия); Дуррути и Гарсия Оливер. Возглавлял митинг Алехандро Хилаберт от имени Региональной конфедерации труда НКТ в Каталонии.

Газеты так описывали этот митинг:

«Пёстрая толпа заполнила парки La Exposición. Участие более 80 тыс. человек продемонстрировало силу НКТ и, кроме того, доказало, что, несмотря на репрессивные тактики социал-фашистского правительства, эта организация пользовалась поддержкой большей части рабочего класса Испании.

Это массовое собрание рабочих явилось одним из самых воодушевлённых — успех его не знал себе равных. Тысячи рабочих не могли услышать выступления членов НКТ в духе анархизма, так как грандиозный зал Дворца декоративных искусств был заполнен до отказа; люди собрались на площади Испании, в прилежащих парках и на улице Эль Паралело.

Многочисленные штурмовики, полицейские и гражданские гвардейцы заняли позиции в окрестностях La Exposición и стратегических точках. Рабочие проявили строжайшую дисциплину, однако этого нельзя было сказать в отношении поведения полиции: она постоянно провоцировала собравшихся выпадами и досмотрами. Взяли на прицел группу молодёжи, распевавшую революционные песни, и т.д.»³⁸⁷.

Та же самая газета опубликовала выступление Гарсии Оливера:

“ «Закон от 8 апреля означает для НКТ, анархистов, активистов, что одной рукой нам предлагают золото, в то время как другой угрожают преследованиями. Если кто-нибудь и получает пользу от этого закона, то только не рабочие, а активисты. Хотят заставить действовать смешанные комиссии; причём в Испании насчитывается 1 тыс. профсоюзов, и приблизительно 5 тыс человек — их членов получают еженедельно 150 песет, или больше; в то время как рабочие, как и ранее, будут зарабатывать нищенскую плату. Активисты забудут о своём долге и предадут своих братьев — и тогда возможность свершения революции сойдёт на нет».

Перед речью Гарсии Оливера выступил Дуррути. Вот его слова:

«Ваше участие в этом митинге и моё присутствие на этой трибуне должны ясно указать буржуазии, что НКТ и ФАИ представляют из себя силу, которая крепнет в результате репрессий, и в трудные времена их солидарность растёт.

Несмотря на все полученные удары, эти организации ни на шаг не отступает от своих революционных целей. Сегодняшняя демонстрация послужит буржуазии, правительству, товарищам социалистам предупреждением. Все они смогут удостовериться, что анархисты не выходят покорёнными ни из тюремных застенков, ни из мест депортации; напротив, они становятся более стойкими в своих целях и более уверенными в своих намерениях.

Республиканские правители-социалисты думали, что мужчины и женщины, состоящие в рядах НКТ и ФАИ, — послушное стадо, похожее на тех, кем они сами управляют и руководят в своих партиях. Такая идея привела их к выводу, что если они бросят в тюрьмы какое-то количество руководителей и депортируют ещё столько же, всё будет в порядке; НКТ окажется безоружным, и они смогут продолжать спокойно кормиться в идиотском загоне государства. Они ошиблись в своих расчётах, ещё раз доказав своё невежество в социальной проблематике и в самом факте существования анархизма.

Чтобы дискредитировать нас, буржуазия вместе с её наёмными писаками прибегла к самым худшим доводам, их обвинения были тяжкими, как, например: “купленные монархистами”, “воры”, “бандиты”; но рабочие, знакомые с нами, стали нашими лучшими защитниками. Рабочие прекрасно знают, что бандиты не встают в шесть утра, чтобы в поту зарабатывать свой хлеб на фабриках. Теория “руководителей ФАИ” и “воров-анархистов” улетучивается, как дым, благодаря вашему участию в этом митинге. Настоящие воры не встают в шесть утра, а их жёны не моют полы, убирая за богачами их говно, с тем чтобы заработать на пропитание своей семье, как это делают наши подруги, когда буржуазия депортирует нас, бросает нас в тюрьмы или вынуждает нас скрываться...

Настоящие бандиты — это буржуазия, которая живёт за счёт нашего труда; они торгаши-контрабандисты, спекулирующие на нашем голоде; они — крупные банкиры-финансисты, которые ведут подсчёт деньгам, запятнанным кровью и потом пролетариата; это — политики, которые обещают, но когда вступают на депутатские посты, едят за обе щеки, накапливают деньги от заработков и, устроившись у государственной кормушки, забывают о своих обещаниях; это; но вы, все рабочие, собравшиеся здесь, уже давно их знаете, так же как их знаю и я, — к чему же повторяться? Когда наши товарищи, господа депутаты-социалисты, проголосовали заодно в парламенте за нашу депортацию, то они поступили именно так, как мы и ожидали, другими словами — как люди, дурманящие рабочий класс своим хлороформом парламентского социализма... Депортировав нас, они облегчили нам задачу. Наконец, деньги, украденные государством у рабочих, пошли на пользу: оплатили поездку на Канарские острова и содействовали пропаганде анархистских идей в тех местах...

Когда социалисты и государственные деятели говорили, что мы продались монархистам, и если некоторые рабочие поверили в это, то ответ наших товарищей из Севильи генералу Санхурхо навсегда покончил с его сомнениями. Но республиканским деятелям и социалистам надо хорошо запомнить урок, преподанный им севильскими событиями. Санхурхо утверждал: “анархисты не пройдут”, но анархисты заставили Санхурхо прикусить язык и прошли. НКТ сказала “нет” Санхурхо, но также говорит “нет” такого рода Республике, как та, которая управляет нами.

Пусть знают республиканцы-социалисты, и именно поэтому мы говорим ясно: или Республика решает крестьянский вопрос и проблемы рабочих, или сам рабочий люд разрешит их. Однако может ли Республика, в её нынешнем составе, решить эти и другие срочные проблемы? Мы не хотим никого обманывать и твёрдо говорим всему рабочему классу: Республика, или любой другой политический режим, с социалистами или без них, никогда не разрешит проблемы рабочих. Система, основанная на частной собственности и на авторитарном правлении, не может избежать рабства. Но если рабочий пожелает иметь достоинство, жить свободно и быть хозяином своей собственной судьбы, то он не должен ожидать, что всё это ему преподнесёт кто-либо, потому что экономическая и политическая свобода — не подарок, а завоевание. От вас, рабочих, слушающих меня сейчас, зависит: жить как современные рабы или стать свободными людьми! Вы должны решить сами!»388.

Спустя несколько дней после выступления на указанном митинге газеты опубликовали новость об аресте Дуррути:

“ «В Главном полицейском участке Барселоны растёт террор. 18 товарищей из Таррасы заключены в полицейские застенки. Аскасо и Дуррути полностью изолированы в полицейских камерах».

Так вещали заголовки и подзаголовки газеты Tierra y Libertad от 23 сентября, с информацией об аресте. В продолжении она писала:

«В субботу на рассвете полиция и ряд штурмовиков ворвались в здание нашей редакции, в поисках товарища Аскасо.

Потом, из газетных новостей, мы узнали, что товарищи Доминго Аскасо и Дуррути задержаны и находятся в полной изоляции в душных застенках на Вия Лайетана.

Возрождается острый террор. Ожесточается атака на анархистов, и замыслы репрессий стоят на повестке дня у людишек с “бляшками на груди”. С какой целью задержаны Аскасо и Дуррути? А что произошло с задержанными в Таррасе, якобы проводившими подпольное заседание?»389.

Этот новый арест Дуррути, обоснованный всего лишь «административными приказами», затянется в тюрьме «Модело» в Барселоне на два месяца. Если Мими надеялась, что возвращение Дуррути из депортации облегчит её жизнь, то она ошибалась: его заключение в «Модело» уменьшало и без того скудный семейный бюджет и прибавило большую нагрузку на её рабочий день, так как необходимо было уделять внимание арестованному мужу.

Вместе с новой волной репрессий разразилась новость манифеста Профсоюзов Сабаделя: они объявили о своём выходе из состава НКТ и образовании независимого профсоюза. Хотя это заявление и создавало трудности внутри НКТ, особенно в силу атмосферы репрессий, его публикация также означала некоторое улучшение для больного организма: было намного здоровее знать реальное положение дел, чем постоянно держать оборону и превращать все собрания в острые дебаты, что на практике означало огромные потери

времени и энергии.

В результате выхода этого манифеста *Tierra y Libertad* сообщала своим читателям следующее:

«Заявление синдикалистов Сабаделя преподаёт нам урок: анархисты не должны действовать за пределами рабочего движения — напротив, им надо занимать передовые позиции. Это единственный путь, не позволяющий прислужникам буржуазии завладеть рабочими организациями».

Сама газета определяла такой «синдикализм» как детище буржуазии:

«В силу банкротства испанского социализма для класса капиталистов становилось необходимо порождение новой профсоюзной организации, которая не носила бы характер ни Свободных профсоюзов, ни Единых профсоюзов, а служила бы сдерживающей плотиной для революционных порывов и стремлений испанского пролетариата. Идея такого бесстыдного детища зародилась в умах политиков, которые руководили профсоюзом Сабаделя. Каталонская буржуазия может остаться довольной действиями своих новых защитников, довольными могут чувствовать себя левые и правые республиканцы, а также республиканские и полицейские газеты стиля *L'Opinió*; они располагают такой формой синдикализма, который изгоняет из своих рядов анархистов и называет тех, кто не сгибается перед любыми несправедливостями, «экстремистами и возмутителями»³⁹⁰.

Перед лицом неизбежного раскола, ФАИ опубликовала ориентировочный манифест для анархистов, подписанный Комитетом полуостровных территорий, Комиссией по связям с анархистскими организациями групп Каталонии и Местной федерацией групп Барселоны. В этом документе, в месте, где речь шла об анализе положения в результате правления Республики и о некоторых руководящих постах НКТ, которые работали на торможение революционного процесса, начавшегося 14 апреля 1931 года, чётко чувствуется образ мышления группы «Мы». Такое влияние объясняется тем фактом, что Гарсия Оливер входил в состав Комитета полуостровных территорий ФАИ. Сам манифест несёт в себе концепцию умеренности с целью ограничить потери от раскола. Вот его содержание:

«НКТ — величественное произведение творческого духа испанских анархистов — стоит на пути неведомого до сих пор раскола. Наша отважная Национальная конфедерация труда, благодаря достойному и возвышенному духу её членов, пережила целый ряд труднейших ситуаций, в которых единство её рядов никогда не находилось под угрозой.

Теперь, по причине разрушительных действий горстки её членов (к счастью, небольшой) раскол почти предрешён. Когда настанет этот момент (...). необходимо, чтобы все — анархисты, революционеры-синдикалисты и простые рабочие — знали о скрытых намерениях тех, кто намеревается разъединить ряды Конфедерации. Так мы добьёмся насколько возможно уменьшить боль раскола. Мы надеемся и глубоко уверены, что многие из тех, кто на сегодняшний день ещё не определил свою позицию — в пользу «экстремистов» или «умеренных», останутся верными революционным принципам НКТ...»³⁹¹

Факт разделения официально состоялся в марте 1933 года на Профсоюзной конференции в кинотеатре «Меридиьяна». С ноября 1932-го вплоть до марта 1933 года единственной критикой, публиковавшейся на страницах газеты *Cultura Libertaria*, было «намерение ФАИ установить в НКТ свою диктатуру». Этот упрек звучал более чем неоправданно, просто потому, что никакой диктатуры на самом деле и не существовало, речь шла всего лишь о влиянии в рядах профсоюзных организаций. Имели право анархисты или нет, в качестве рабочих, входить в состав НКТ? И если они состояли в её рядах, почему же должны были скрывать свой образ мышления на профсоюзных собраниях? Эти два вопроса послужили темой для статьи Франсиско Аскасо, напечатанной в *Solidaridad Obrera*, под названием «Профсоюзная независимость?» Он излагал следующее:

«В рядах нашей организации одной из самых острых тем является анархистское влияние в профсоюзах. Я помню те времена, когда анархисты избегали, а не стремились занимать посты в организациях; благодаря своей честности и моральным принципам, и особенно в силу своей революционной неутомимости эти люди были для рабочих лучшей гарантией возможных побед. На сегодняшний день, по-видимому, всё изменилось: именно такое упорство подвергается наибольшим нападениям. “Мы защищаем независимость НКТ”, — так нам говорят и затем приводят доводы, или пытаются их сформулировать в отношении якобы диктатуры ФАИ в нашей организации. Абсурдность такого утверждения доказана дебатами последнего Пленума на эту тему. Говорят, разглагольствуют, но ничего конкретно не доказывают. Всё носит характер самой чистой демагогии; такая демагогия несёт оттенок для несознательных лиц, некоего легко достигаемого эффекта, но если мы её рассмотрим вглубь и спокойно, то она не станет не чем иным, кроме как приговором для тех, кто её применяет.

В первую очередь ни один из членов, принадлежащих к ФАИ, не выступает в обсуждении профсоюзных проблем; работая в профсоюзе Рамо де Агуа, уплачивая мои взносы в Фабричном профсоюзе; когда я выступаю на собраниях Профсоюза, я делаю это в качестве эксплуатируемого рабочего указанной индустрии и используя право, которое мне даёт мой членский билет; так же действуют и другие члены профсоюзов, независимо от их принадлежности к ФАИ.

Если те и другие признают, что НКТ была основана, вдохновлена и возвеличена действиями анархистов, что они действуют в её рамках на тех же правах, которые признаются за каждым эксплуатируемым рабочим, то мы не можем признать такую кампанию “профсоюзной независимости”. Разве что мы начнём отрицать сами анархистские истоки нашей организации, отчуждая от неё все идеологические цели и используя её лишь в целях защиты экономических интересов рабочего класса, и ничего более. Но если налицо принятие намерений либертарного коммунизма, то тогда никоим образом нельзя совершать нападки на большее или меньшее содержание анархистских идей, развитых в наших профсоюзах, а придерживаясь логики наших собственных желаний, последовательно следуя нашим идеям, мы должны сотрудничать и поощрять любое проявление анархизма в нашей организации.

Нам могут сказать: “мы согласны с участием анархистов в нашей организации, но не согласны с тем, чтобы Федерация анархистов Иберии определяла линии или нормы для

нашей организации”. Как я уже говорил, трудностью здесь является доказательство факта, что ФАИ когда-либо попыталась наметить эти нормы и линии. Мы, в свою очередь, могли бы доказать вред, наносимый нашей конфедеральной организации позицией “независимых”.

Ни для кого не является секретом, что организации тянут за собой огромное количество ненужного груза. НКТ не является исключением. Если этот балласт, в силу своей природы, не способен проявить себя в агрессивной форме, то он организует засаду, выжидает, чтобы какой-нибудь другой фактор инициировал атаку, а затем присоединяется к ней.

Именно так проявилось это явление, которое мы описали: это смещение некоторых элементов к тем, кто поднимает знамя независимости. Они не видят в этом ничего, кроме атак на анархизм. Будучи по своему темпераменту реформистами, они считают, что анархистское влияние в профсоюзах представляет из себя открытую борьбу против капитала и государства, борьбу, которая заключает в себе некоторую опасность, и к этим позициям они не собираются присоединяться в силу своего конформизма и духовной бедности; так, эти люди чинят препятствия и затрудняют революционный процесс в самой организации. К таким людям присоединяются те, кто поднимает знамя независимости, но не во имя борьбы за независимость, которая защищается с энтузиазмом, достойным для самого благородного дела, а в борьбе против анархизма внутри НКТ и за её пределами; это бесспорно является прямыми нападками на сами принципы организации, отказ от идей анархизма, который, как они иногда утверждают, составляет их мировоззрение. Профсоюзная независимость? Да, но при соблюдении всех этих принципов, тактик и целей конфедеральной организации.

ФАИ располагает собственным полем деятельности и пропаганды; оно строго очерчено в отношении проблем, присущих анархизму. И ни активисты, ни НКТ не смогут поставить барьеры для актов утверждения анархистских идей на митингах и конференциях, носящих специфический характер. Действие анархистов в профсоюзах также определено, однако, как мы можем согласиться и как определить те организации, которые, как Либертарная синдикалистская федерация, говорят: у них нет иных целей, кроме целей НКТ, но они организованы за рамками НКТ, живут вне неё и пытаются повлиять на неё извне? Я согласен с тем, что те, кто придерживается одних и тех же принципов и целей с НКТ, просят, требуют независимости от неё, но в её же рамках, состоя в соответствующих профсоюзах. Никаким образом не приемлемо то, что те лица, которые протестуют против якобы диктатуры ФАИ, после возведут себя в наставников НКТ и попытаются посредством создания другой организации, вне рамок НКТ, навязать свою собственную диктатуру. Надо следовать логике и быть последовательными, товарищи; в противном случае нам будет позволено думать, что борьба за профсоюзную независимость является самой настоящей замаскированной атакой на анархизм и вместе с этим — на идеологию НКТ; но такое действие не потерпят ни сама организация, ни её члены»³⁹².

Версия #2

Зверобой создал 14 июля 2025 14:41:25

Зверобой обновил 15 августа 2025 12:57:00